

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

**ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫМИ СУДАМИ ПРИНЯТЫХ РЕШЕНИЙ
И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА РАНЕЕ СФОРМУЛИРОВАННЫХ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ**

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Объясняется значение механизма толкования в сфере осуществления судебного конституционного контроля. Изучаются нормативно-правовые основы деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь по вопросам толкования Судом ранее вынесенных решений.

Рассматриваются проблемные аспекты пересмотра конституционными судами правовых позиций, сформулированных в предыдущих решениях. Анализируются особенности процедуры пересмотра Конституционным судом ранее сформулированной правовой позиции в процессе конституционного судопроизводства. Вопрос о пересмотре правовой позиции исследуется в контексте общей проблемы интерпретации Основного Закона.

Обращается внимание на особенности процедуры толкования принятых ранее решений Конституционным Судом Республики Беларусь, в связи с чем осуществлен детальный анализ одного из рассмотренных дел. Делается вывод о том, что в процессе толкования основного закона конституционные суды в современных условиях решающим образом воздействуют на правотворческую деятельность государственных органов и формирование системы национального законодательства.

В условиях становления правовой государственности и преобразования общественно-политических реалий именно конституционным судам в постсоциалистических странах была отведена роль интеграторов базовых конституционных положений. Изменение государственно-правовых условий жизни современного общества позволяет более внимательно рассматривать механизм толкования в сфере осуществления судебного конституционного контроля не столько в привязке к правоприменению, сколько – к правотворчеству. Следует учитывать и то обстоятельство, что акт толкования – конечный результат творческой деятельности наиболее авторитетных и компетентных специалистов в области права, т.е. это одновременно и высший уровень доктринального по своей сути толкования. Поэтому права Ж.И. Овсепян, которая предметом толкования видит исключительно нормативные акты и конституцию, логично предполагая, что «следствием, итогом сопоставления нормативных актов и Конституции является не акт правоприменения, а еще один нормативный акт» [1, с. 35].

Такая природа толкования «возводит» конституционный суд на особую ступень в иерархии высших органов государственной власти, обеспечивающих верховенство основного закона. Однако положение, согласно которому конституционный суд рассматривается главным субъектом толкования основного закона и иных фрагментов конституционно-правовой материи, не получило точного и надлежащего развития в законодательстве, теории и юридической практике.

Можно констатировать, что в осуществлении судебного конституционного контроля в Республике Беларусь фактически присутствует толкование именно как процессуальная форма деятельности, а «в системе средств правового воздействия толкование, скорее всего, занимает срединное положение между созданием права и его применением, так как оно связано с уяснением и разъяснением смысла правовых норм» [1, с. 36]. Такой подход полностью соотносится со статьей 41 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь», устанавливающей, что решения Конституционного Суда могут быть официально истолкованы только самим Конституционным Судом. По итогам такого толкования Суд принимает решение, излагаемое в виде отдельного документа.

В практике осуществления конституционного правосудия Конституционный Суд Республики Беларусь прибегал к использованию предоставленного правомочия при рассмотрении в открытом заседании 27 ноября 1997 года дела «О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 мая 1996 года «О соответствии Конституции статьи 88 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» и статьи 56 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел» [2]. С нашей точки зрения, содержащиеся в резолютивной части разъяснения по делу имеют нормативный характер, поскольку нормативны положения толкуемого текста. Логично, что акт толкования имеет ту же форму, что и толкуемый акт, т.е. принимается в виде заключения отдельным документом. Но статья 43 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» определяет, что решения в виде заключений принимаются Конституци-

онным Судом только по итогам рассмотрения вопросов, перечисленных в статье 5 настоящего Закона. Статья же 5 Закона не предусматривает, что толкование решений Конституционным Судом оформляется в виде заключения. Налицо пробел, который законодателю необходимо ликвидировать (устранить). Однако проблема видится в другом. Очевидно, что воля судей Конституционного Суда должна быть связана с фундаментальными конституционными принципами, закрепленными в соответствующих разделах Основного Закона, и при осуществлении толкования Суд не вправе выйти за пределы, установленные основами конституционного строя. Ведь грань, отделяющая правотворчество от интерпретации, очень тонкая, и важно не переступить ее. Особенно актуальной эту проблему видят через призму деятельности конституционных судов, и не случайно органы судебного конституционного контроля все чаще рассматриваются в качестве второго законодателя, что порождает новые дискуссии среди практиков и теоретиков. Поэтому одним из актуальных является рассмотрение вопроса о том, насколько решение конституционного суда о толковании ранее вынесенного решения должно соответствовать ранее выраженной правовой позиции? По данной проблеме в юридической литературе существуют самые разные подходы, она таит в себе целый пласт нерешенных вопросов.

Например, Н.В. Витрук указывает [3, с. 319], что при толковании норм Конституции следует учитывать ранее принятые правовые позиции Конституционного Суда, выраженные в его решениях, а изменение правовой позиции возможно и допустимо лишь в случаях дополнений и изменений действующей Конституции. В то же время, по мнению автора, Конституционный Суд должен быть крайне осторожен в попытках наполнения конституционных положений новым содержанием без изменения самого текста Конституции в силу изменения исторической обстановки, других конкретных обстоятельств, т.е. в силу целесообразности. А это свидетельствует о том, что очень серьезное значение приобретает вопрос о пределах толкования конституционно-правовых норм.

Заметим, что такая позиция автора согласуется со смыслом статьи 73 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которая допускает, что такая ситуация в принципе возможна, и одновременно предлагает выход из нее: «В случае, если большинство участвующих в заседании палаты судей склоняются к необходимости принять решение, не соответствующее правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях Конституционного Суда Российской Федерации, дело передается на рассмотрение в пленарное заседание» [4]. Важное замечание по вопросам процедурного характера предложенного законодателем механизма высказал Л.В. Лазарев. Аргументация представлена следующим образом: «Данное положение (ст. 73 «О Конституционном суде Российской Федерации» – А.П.), как и конкретизирующую его норму § 40 Регламента Конституционного Суда, было бы неправильно понимать так, что только палаты могут инициировать изменение правовой позиции. Это может исходить и от Конституционного Суда *in corpore* (в полном составе) при рассмотрении нового дела. Суть статьи 73 Закона в том, что только в пленарном заседании может быть установлено наличие оснований для пересмотра прежней правовой позиции независимо от того, сформулирована ли она в решении Конституционного Суда, принятого палатой, или в пленарном заседании. Поводом же для пересмотра прежней правовой позиции может послужить обращение в Конституционный Суд любого из управомоченных на это органов и лиц, перечисленных в статье 125 Конституции, в том числе жалоба гражданина. Вместе с тем изменение прежней правовой позиции не означает отмены решения, в котором она была выражена, но ею уже не будет руководствоваться при принятии последующих решений» [9, с. 113].

В контексте рассматриваемой проблемы особого внимания заслуживает точка зрения Г.А. Гаджиева [10, с. 4], впоследствии поддержанная и получившая дополнительное обоснование со стороны О.В. Борисовой [11, с. 58]. В основу подхода положены следующие аргументы. Предлагается в структуре решения Конституционного Суда Российской Федерации выделить мотивировочную и резолютивную правовые позиции. При этом мотивировочная правовая позиция является особой формой толкования нормы права. Это – гибкая категория, она может быть пересмотрена в пленарном заседании Конституционного Суда Российской Федерации. Как представляется, собственно данный критерий пересмотра с учетом «векания времени» и должен быть ключевым при разрешении коллизий правовых позиций. Этот тип правовой позиции классически коррелирует с правом.

Резолютивная правовая позиция представляет собой окончательную оценку оспоренной нормы в резолютивной части судебного акта. Данная правовая позиция статична даже в случае изменения Судом мотивировочной правовой позиции. Этот вывод основан на указании Конституционного Суда, что при последующем изменении высказанной ранее правовой позиции решение Суда остается неизменным, основанием также служит невозможность преодоления решения Суда. То есть аргументацией правомочности положения о статичности резолютивной правовой позиции является статья 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и отсутствие противоречия статье 73 Закона. Резолютивная правовая позиция непосредственно коррелирует с законодательством.

Таким образом, диалектическое единство мотивировочной и резолютивной правовых позиций есть решение Конституционного Суда Российской Федерации и в данном контексте не может быть рассмот-

рено соотношение решения Конституционного Суда и правовой позиции как целого и части (в противовес традиционной точке зрения).

Резолютивная правовая позиция представляет собой особую форму преюдиции, выражающуюся в утрате юридической силы правовой нормы, признанной неконституционной. Прямое действие резолютивной правовой позиции вытекает из принципа верховенства Конституции Российской Федерации, части 6 статьи 125 Основного Закона, а также статьи 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Это и есть объективированный источник российского права [11, с. 58].

Как следует из Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в этом случае палата оформляет передачу рассмотрения дела определением, в котором обосновывается невозможность применения ранее высказанной правовой позиции. Данная норма не только устанавливает порядок действий в указанном случае, но, что не менее важно, фиксирует сам факт существования феномена правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Следует согласиться с замечанием М.С. Саликова о том, что «в силу того, что презумпция истинности правовой позиции Конституционного Суда России может быть опровергнута (при наличии серьезных сомнений в обоснованности правовой позиции Суд, рассматривая в пленарном заседании другое дело, вправе изменить ее на ту, которая в большей мере отвечает современному уровню правового регулирования), на Суд возлагается довольно сложная задача перманентной оценки уже существующих правовых позиций, соотнесение их с современным состоянием развития правовой системы и т.д.» [12, с. 178]. У М.С. Саликова оказалось немало единомышленников.

В том же духе высказывается и Б.С. Эбзеев, полагающий, что Конституционный Суд в пленарном заседании может принять решение, не соответствующее ранее выраженной им позиции, и «такое решение может быть обусловлено либо «поиском» права, либо «превращением» Конституции, то есть изменением Основного Закона без изменения его текста, либо внесением в Конституцию дополнений и изменений, влекущих изменения в нормативном содержании ранее интерпретированных конституционных положений, которые в силу этого нуждаются в новом осмыслении» [5, с. 457]. Таким образом, указанные авторы деятельность по толкованию ранее принятых актов толкования напрямую связывают с решением конкретных тактических конституционных задач. Справедливости ради отметим, что в своей более поздней работе Б.С. Эбзеев все же уточняет, что «пределы собственного усмотрения Суда в данном случае также ограничены; изменение ранее выраженной позиции должно иметь в основе не внезапное «озарение» судей, продиктованное политической конъюнктурой или иными субъективными факторами, а обусловлено объективными процессами развития самого права и правовой государственности» [13, с. 566].

По мнению О.Е. Глотовой, «пересмотр собственных интерпретационных актов органом конституционной юстиции при наличии особо жесткого характера конституционных норм кажется необходимым, так как вполне пригоден служить альтернативой чрезвычайно усложненной и пока не использованной процедуре принятия поправок, и деятельность Конституционного Суда в этом направлении может привести к возникновению «живой реально действующей конституции» без изменения ее текста и буквы. Главное при этом, чтобы Конституционный Суд сохранял приверженность основополагающим нормам конституции, обеспечивая процесс демократизации и социального реформирования» [6, с. 15]. Подобные точки зрения заслуживают отдельного рассмотрения.

Нам представляется, что настолько радикальный подход в отыскании «живых» конституционных положений без изменения текста Основного Закона может далеко завести. К примеру, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности ряда правовых актов, принятых в связи с урегулированием вооруженного конфликта в Чеченской Республике, в 1995 году был легализован новый для российской правовой доктрины и практики конституционного регулирования институт так называемых «скрытых (подразумеваемых) полномочий» Президента, которые, по мнению Суда, вытекали из части 2 статьи 80 и других статей Конституции Российской Федерации и которые легли в основу этих актов. Отметим, что позиция Конституционного Суда, выраженная в указанном Постановлении, вызвала резкие возражения некоторых судей, заявивших по данному делу особые мнения.

По нашему мнению, функции высших органов государственной власти должны быть со всей четкостью текстуально воспроизведены в Конституции, и именно дословный конституционный текст должен выступать в качестве той границы толкования, которую невозможно преодолеть никому. Нелишне уточнить, что в рассмотренном случае речь шла о не юридическом расширении полномочий Главы государства, а не о подразумеваемых, но текстуально не воспроизведенных в Основном Законе правах и свободах граждан. Очевидно и то, что был нарушен один из наиболее важных принципов публичного права: «запрещено все, что не разрешено законом». Таким образом, любое истолкование, осуществляемое Конституционным Судом, должно состоять в выяснении объективного смысла Основного Закона и содержащихся в нем правовых принципов при одновременном запрете фактического введения новых норм права исходя из смысла соответствующих статей Конституции. Поэтому следует полностью согласиться с мнением А.Ф. Черданцева по поводу того, что «основными принципами толкования, которых должен придерживаться и КС РФ, являются законность, объективность, обоснованность выводов, стабиль-

ность права, в том числе и Конституции. Приспособление Конституции и законов РФ к изменяющимся социально-политическим условиям путем толкования противоречит ценностям правового государства» [14, с. 308]. Иными словами, актуализация конституционных норм должна осуществляться в законодательно установленных пределах.

Некоторыми учеными (например, Е.Б. Абдрасулов [7, с. 137]) в юридической литературе отмечалось, что ситуация, когда орган конституционного контроля принимает решения о толковании своих предыдущих толкований, может быть вызвана серьезными сомнениями в их обоснованности, и необходимость в таком разъяснении свидетельствует, что первоначальное толкование в силу тех или иных причин не было осуществлено должным образом. В частности, В.О. Лучин ситуацию, при которой Конституционный Суд России разъясняет свое решение, называет «дополнительным (вторичным) толкованием. Необходимость такого разъяснения свидетельствует о том, что цель предыдущего толкования (речь идет о толковании постановления о толковании Конституции. – А.П.) не была достигнута. Конституционный Суд в своих решениях должен избегать такого толкования Конституции, которое само нуждается в разъяснении» [15, с. 539].

С учетом российского опыта обратимся к белорусским реалиям. В Проекте Закона Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» (авторы – М.И. Пастухов, В.А. Фадеев) [16, с. 19] говорится о разъяснении, а не о толковании решения, что, видимо, одно и то же. Так, в статье 79 указывается, что решение Конституционного Суда может быть официально разъяснено только самим Конституционным Судом в пленарном заседании или заседании палаты, принявшей это решение, по ходатайству субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд, а также других государственных органов и лиц, которым оно направлено. Вопрос о разъяснении решения Конституционного Суда рассматривается в пленарном заседании или в заседании палаты, принявших это решение, с участием ходатайствующего государственного органа или лица. На заседание приглашаются также представители государственных органов и лиц, выступавших в качестве сторон по рассмотренному делу. О разъяснении решения Конституционного Суда выносятся определение, излагаемое в виде отдельного документа и подлежащее опубликованию в тех изданиях, где было опубликовано само решение.

Из предложенного подхода видно, во-первых, разъяснение (толкование) своего решения Конституционный Суд вправе осуществить лишь по ходатайству уполномоченных субъектов, но не по собственной инициативе; во-вторых, акт толкования (определение) имеет иную форму, нежели толкуемый акт (решения Конституционного Суда авторы предлагают именовать постановлениями, заключениями, и лишь по существу конституционной жалобы – определениями); в-третьих, разработчики проекта посчитали необходимым и возможным заимствовать соответствующие нормы из статьи 83 Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которая так и называется: «Разъяснение решения».

В Республике Беларусь теория и практика конституционного правосудия положительно оценивают решения Конституционного Суда о толковании ранее принятых заключений, и это обусловлено, в частности, отсутствием единообразного понимания в правоприменительной деятельности ранее вынесенных решений. Например, в уже упоминавшемся заключении Конституционного Суда от 27 ноября 1997 года было дано толкование заключению от 28 мая 1996 года «О соответствии Конституции статьи 88 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» и статьи 56 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел», в связи с чем Г.А. Василевич отметил, что «данное Конституционным Судом толкование позволило сдвинуть с мертвой точки решение ряда вопросов, связанных с содержанием лиц пенсионного возраста в местах лишения свободы, а толкуемым заключением были признаны неконституционными нормы вышеназванных законов в части приостановления выплаты трудовой пенсии на время лишения пенсионера свободы» [8, с. 193]. Вообще, к процедуре толкования принятых ранее решений Конституционный Суд Республики Беларусь обращался не единожды. Однако практика не всегда была безукоризненной в том смысле, что по некоторым делам (1995, 1997) по существу речь шла о пересмотре ранее принятых заключений, хотя по форме это были решения о толковании ранее принятых решений.

Итак, с точки зрения формально-юридического анализа Конституционному Суду Республики Беларусь предоставлена возможность вносить коррективы в отношении ранее сформулированных интерпретационных норм. Закон «О Конституционном Суде Республики Беларусь» предусматривает, что решение Суда может быть впоследствии официально истолковано самим Судом (статья 41 Закона), а также пересмотрено по основаниям статьи 42 указанного Закона. Очевидно, что толкование по делам такого рода будет отличаться от того, которое было осуществлено первоначально. Главное, чтобы первоначальная и последующая интерпретации находились в рамках действительного юридического содержания интерпретируемых конституционных норм, а между нормативным и казуальным толкованием не возникало смысловых противоречий. Не следует забывать, что качественное толкование Конституции способно обеспечить единство всего правового пространства в государстве.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь обнаруживается любопытный эпизод, когда толкование нормативных положений было осуществлено по схеме, напрямую не предусмотренной действующим законодательством. Речь идет о Разъяснении Конституционного Суда о порядке применения решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 мая 2002 года «О правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых суммирующих аппаратов» [17]. Акцентируем внимание на следующих моментах:

- во-первых, такой вид акта Конституционного Суда, как «Разъяснение» не предусмотрен действующим законодательством, в связи с чем возникает вопрос об объеме дискреционных полномочий Конституционного Суда;

- во-вторых, необходимо отметить, что данным разъяснением толкуется не столько ранее вынесенное Решение от 29 мая 2002 года, сколько Декрет Президента Республики Беларусь от 17 мая 2001 года № 12 «О введении единого налога с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, осуществляющих реализацию товаров, работ (услуг), и о некоторых вопросах, связанных с указанной деятельностью». Но становится неясно, какой вид официального толкования был применен. Очевидно, что здесь не приходится говорить об аутентическом, нормативном либо казуальном толковании, поскольку разъяснение норм происходило вне рамок судебной процедуры;

- в-третьих, если попытаться определить те способы, которые были применены при толковании, то данные Судом разъяснения целиком соответствуют категориям функционального и телеологического (целевого) толкования, что достаточно редкое явление для белорусской юриспруденции. Напомним, что функциональный способ толкования опирается на знание факторов и условий, в которых функционирует, действует, применяется толкуемая норма права. И действительно, Конституционный Суд показал глубокую осведомленность о состоянии дел в той сфере предпринимательской деятельности, где возникли многочисленные проблемы по поводу осуществления приема наличных денежных средств без использования отрывных талонов и кассовых суммирующих аппаратов. Например, Суд высказался в том смысле, что «более широкое использование кассовых суммирующих аппаратов должно сопровождаться надлежащей организацией мест торговли для индивидуальных предпринимателей, поэтапным их переходом в благоустроенные помещения с предоставлением им полного комплекса услуг, и прежде всего расчетно-кассовых. В настоящее же время торговля нередко производится в непредназначенных и непригодных для этого местах, а надлежащие условия для инкассации выручки еще не созданы» [17, с. 40]. Как можно заметить, Конституционный Суд оперировал целями толкуемых норм для того, чтобы достигнуть такого результата толкования, такого понимания смысла нормативного акта, которые наиболее соответствовали бы его функции, целям отрасли права в целом. В частности, Конституционный Суд делает оговорку по поводу того, что «целью Декрета № 12 является создание благоприятных условий для развития индивидуального предпринимательства, обеспечение социальных гарантий индивидуальным предпринимателям, иным физическим лицам, совершенствование порядка их налогообложения» [17, с. 40];

- в-четвертых, между принятием Решения Конституционного Суда Республики Беларусь «О правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых суммирующих аппаратов» от 29 мая 2002 года и данным Разъяснением Конституционного Суда от 7 июня 2002 года пролегает очень незначительный временной отрезок – 8 дней, в связи с чем можно усомниться, что Разъяснение было дано «в связи с поступающими запросами о порядке применения решения Конституционного Суда от 29 мая 2002 года» [17, с. 40]. Скорее, принятием этого Разъяснения Конституционный Суд восполнил недосказанность по ситуации, порожденной действием Декрета № 12, и поэтому здесь слово должно было быть не за Конституционным Судом, а за Президентом, с его правом дать аутентическое толкование изданному им же в 2001 году Декрету.

Подводя итог вышесказанному, можно предположить, что независимость правоприменения и правотворчества как организационно-правовых форм довольно относительна, а также принимая во внимание особую роль и значение толкования в сфере судебного конституционного контроля в большинстве стран, а именно преимущественно «толковательный» характер практики решений судебных органов при осуществлении ими конституционно-контрольных функций, то эти послышки дают основания к заключению, что в сфере судебного конституционного контроля толкование может быть охарактеризовано «не только как стадия правоприменения либо правотворчества, не только как тот или иной вариант их совпадения» [1, с. 142], но одновременно и как обособленная, самостоятельная организационно-правовая форма деятельности, соответствующая судебному конституционному контролю. Разъясняя и уточняя в процессе толкования конституционные положения, конституционные суды тем самым активизируют и определенным образом корректируют правотворческую деятельность государственных органов. Более того, обладая по своему теоретико-правовому содержанию огромным научным потенциалом, такие акты

конституционных судов влияют на развитие не только системы права, но и правовой науки, способствуя тем самым формированию у всех субъектов права надлежащего правосознания и уважения к Основному Закону общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсепян, Ж.И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж.И. Овсепян. – Ростов-на-Дону: Литера-Д, 1992. – 320 с.
2. О толковании Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь: Заключение Конст. Суда Респ. Беларусь, 28 мая 1996 г. «О соответствии Конституции статьи 88 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» и статьи 56 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел» от 27 ноября 1997 г., № 3 – 60/97 // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 1997. – № 4. – С. 28 – 31.
3. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: учеб. пособие / Н.В. Витрук. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 383 с.
4. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. Эбзеев, Б.С. Толкование Конституции и иных законов Российской Федерации Конституционным Судом: курс лекций по теории государства и права / Б.С. Эбзеев; под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997. – § 6. Лекция 19. – С. 451 – 458.
6. Глотова, О.Е. Понятие, возможности и пределы конституционного контроля / О.Е. Глотова // Право и политика. – 2002. – № 7. – С. 13 – 17.
7. Абдрасулов, Е.Б. Критический анализ опыта толкования Конституции в Республике Казахстан / Е.Б. Абдрасулов // Журнал российского права. – 2002. – № 5. – С. 133 – 143.
8. Василевич, Г.А. Нормативные правовые акты государственных органов Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – изд. 2-е, доп. – Минск: Право и экономика, 2001. – 235 с.
9. Лазарев, Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. – М.: ОАО Издат. дом «Городец»; «Формула права», 2003. – 528 с.
10. Гаджиев, Г.А. Rasio decidendi в постановлениях Конституционного Суда России / Г.А. Гаджиев // Конституционное правосудие. Вестн. Конф. органов конституционного контроля стран молодой демократии. – 1999. – № 2. – С. 4 – 14.
11. Борисова, О.В. Конституционная экономика и правовые позиции Конституционного Суда РФ / О.В. Борисова // Право и политика. – 2006. – № 10. – С. 52 – 59.
12. Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. – М.: НОРМА, 2003. – 416 с.
13. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б.С. Эбзеев. – М.: Юрид. лит., 2005. – 576 с.
14. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2003. – 381 с.
15. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
16. Пастухов, М.И. Проект Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» / М.И. Пастухов, В.А.Фадеев. Подготовлен в рамках проекта TRANSFORM. – Минск, 2000.
17. О правовом регулировании приема наличных денежных средств индивидуальными предпринимателями с использованием кассовых аппаратов: Разъяснение Конституционного Суда Республики Беларусь о порядке применения решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 мая 2002 г. Принято на заседании Конституционного Суда 7 июня 2002 г. // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 2002. – № 2. – С. 40 – 41.

Поступила 20.03.2007